

Александр Васильевич Суворов

Автобиография

Александр Суворов-Рымникский
Автобиография*

* Автобиографий Суворова две. Первая относится к 1786 г. и является прошением, поданным Суворовым в Московское дворянское депутатское собрание о внесении его в родословную книгу дворян Московской губернии. (Место хранения подлинника не установлено.) Опубликована впервые в "Чтениях в императорском обществе истории и древностей российских" за 1848 г. (№ 9. С. 534-552) и отдельной книгой под заглавием "Биография А. В. Суворова, им самим написанная в 1786 г."

Вторая, от 28 октября 1790 г., была представлена Суворовым в Военную коллегию вместе со сведениями о службе и чинах при возведении его в графское достоинство для передачи в Герольдмей-стерскую контору. Подлинник хранится в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, а копия - в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имепи Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Впервые опубликована В. Алексеевым в книге "Письма и бумаги Суворова" (Спб., 1901).

Местечко Максимени в Молдавии 1790 г. октября 28.

Ко изготовлению поведенного диплома и герба на пожалование меня в графское Российской империя достоинство, с наименованием граф Суворов-Рымникский, по востребованию от меня о употребляемом мною гербе и отличностях предков моих и собственно моих заслугах имею сообщить следующее.

В 1622 году, при жизни царя Михаила Федоровича, выехали из Швеции Наум и Сувор и по их челобитью приняты в российское подданство, именуемы "честные мужи" разделились на разные поколения и по Сувору стали называться Суворовы*. Сим и других их поколений за крымские и иные походы жалованы были поместья, до государственования императора Петра Первого. Его величество отцу моему, Василью Ивановичу, был восприемником. При сем государе он начал службу в должности денщика** и переводчика и по кончине его императрицею Екатериною Первою выпущен был лейб-гвардии от бомбардир-сержантом и вскоре пожалован прапорщиком в Преображенской полк, где он службу продолжал до капитана и потом в разных званиях, а при императрице Елисавете Петровне употреблен был бригадиром и генерал-майором по Военной коллегии, генерал

поручиком и кавалером св. Анны и св. Александра, в войне с прусским королем - в армии главным при Провиантском департаменте и губернатором Прусского королевства. Ныне в потомственные роды славно державствующую мудрую и великою императрицею произведен он был лейб-гвардии в Преображенской полк премьер-майором, лейб-гвардии в Измайловской подполковником, генерал-аншефом и сенатором и употребляем был в разных важных препорученностях, которые до моего сведения не доходили.

* Фамилия Суворов значительно древнее, чем указывает А. В. Суворов. В новгородских Писцовых книгах Шелонской пятины под 1498 г. записан помещик Суворов. Встречается эта фамилия и в других местах Руси, например среди тверских помещиков под 1570 г. В. Алексеев допускает возможность переселения далеких предков А. В. Суворова из Швеции, но относит это к первой четверти XIV века. Действительно, после Орешковского договора (1323) из отошедшей к Швеции части Карелии происходило массовое переселение из новгородских владений, но это были не шведы, а новгородцы, оказавшиеся на захваченной шведами земле.

** Денщик в то время выполнял обязанности адъютанта.

В службу я вступил 15 лет*, в 1742 году, лейб-гвардии Семеновского полку мушкетером, произведен был капралом и состоял в унтер-офицерских чинах, с исправлением разных должностей и трудных посылок**3, а в 1754 году выпущен был из сержантов в полевые полки поручиком, в 1756 году произведен был обер-провиантмейстером, генерал-аудитор-лейтенантом, а потом переименован в премьер-майоры, в котором звании в 1758 году был при формировании третьих батальонов в Лифляндии и Курляндии и имел оных в своей команде семнадцать, которые препроводил в Пруссию, и был комендантом в Мемеле; в том же году пожалован подполковником, был при занятии Кроссена, в Силезии, под командою генерала князь Михаила Никитича Волконского; отправлял должность генерального и дивизионного дежурного при генерале графе Виллиме Вилимовиче Ферморе, был на франкфуртской баталии*** и в разных партиях; в 1761-м состоял в легком корпусе при генерале Берге и был под Бригом, при сражении бреславльском с генералом Кноблохом и разных шармицелях, на сражении близ Штригау, при Грос- и Клейн-Вандриссе, где предводил крылом и две тысячи российского войска. Четыре силезских миль противоборствовали армии под королем прусским целой день, а к ночи сбили их форпосты и одержали**** место своими; на другой день сими войсками чинено было сильное нападение на левое

прусское крыло, против монастыря Вальдштатт; потом был в разных неважных акциях и гаармицелях.

* Здесь неточность. Согласно этим данным получается, что Суворов родился в 1727 г. В своей автобиографической короткой записке, написанной на итальянском языке (хранится в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), Суворов пишет: "Я родился 1730 г. 13 ноября".

Кроме этого, в книге "Из прошлого" (исторические материалы л.-гв. Семеновского полка. Спб., 1911. С. 154-155) есть два литографированных автографа: один - с обязательства отца Суворова, Василия Ивановича, данного им в 1742 г. в Семеновский полк, которым он принимает на себя содержание и обучение своего двенадцатилетнего сына на время его отпуска, и второй - о записи, "сказки", со слов самого Суворова от 25 октября 1742 г. в том же полку, где записаны его возраст ("от роду ему 12 лет"), науки, которым он обучался, и имущественное положение отца. Оба документа подтверждают 1730 год рождения А. В. Суворова.

** Семимесячная командировка в Дрезден и в Вену.

*** В Кунерсдорфском сражении 1 августа 1759 г.

**** Заняли.

Приближаясь к Швейдницу и окопу тамо прусского короля, атаковал в деревне N прусскую заставу с малым числом казаков и за нею, на высоте, сильной прусской пикет, которым местом по троекратном нападении овладел и держал оное несколько часов, доколе от генерала Берга прислано было два полка казачьих, которые стоящих близ подошвы высоты прусских два полка гусарских, с подкреплением двух полков драгунских, сбили с места в лагерь; отсюда весь прусской лагерь был вскрыт, и тут утверждена легкого корпуса главная квартира, соединением форпостов, вправо - к российской, влево - к австрийским армиям; происходили потом здесь непрестанные шармицели, и сверх разных примечательных единожды под королевскими шатрами разбиты были драгунские полки при моем нахождении, - Финкенштейнов и Голштейн, гусарские - Лосов и Малаховский, с великим их уроном. Когда генерал Платен пошел через Польшу к Кольбергу, легкой корпус вскоре последовал за ним; достигши оный, часто с ним сражался с фланков и при Костянах напал на его лагерь сквозь лес, сзади, ночью, причинил знатной урон [и] принудил к маршу, а я был впереди, при всем происшествии, как дни два после того почти подобное сему в день случилось. Платен, следуя против Ландсберга, взял я с собою слабый, во сто конех, Туроверова казачий полк; переплыли через Нец и в той же ночи, шесть миль от Дризена, поспели к Ландсбергу, противным берегом Варты. немедля чрез ров вломились в городские ворота, и

передовыми казаками супренированы и пленены две прусские команды с их офицерами; потом с помощью обывателей сожжен ландсбергской большой мост. Прибывшее противное войско на другом берегу остановилось, но, за нескорым прибытием нашего легкого корпуса, переправилось потом на понтонах и держа свой путь к Кольбергу; отряжен я был от генерала Берга с казачьими полками и несколькими гусарскими для подкрепления; встретился я с противным корпусом под Фридебергом. Оной, маршируя на высоте, отозвался против меня всю свою артиллерию, под которою я разбил его фланговые эскадроны, и забрано было в полон от оных знатное число. Остановлял я Платена в марше елико возможно, доколе пришел в черту генерала князь Василья Михайловича Долгорукова, которой потом прежде его прибыл к Кольбергу; наш легкой корпус под Штаргардом остановился; по некотором времени выступил оный к Регенвальду, в которой стороне было нападение на майора Подчарли, где я ; предводил часть легких войск; взят сей майор с его деташементом в полон; но, как г. Курбьер с сильным войском при нашем обратном походе спешил ударить в наш зад, где я обретался, принужден я был его передовые пять эскадронов с пушками брускировать с имеющимися у меня в виду меньше ста гусар и казаков, которыми действительно сии эскадроны опровержены были и оставили нам много пленных; успех от того был, что Курбьер ретировался. Под Наугартом, предводя одну колонну легкого корпуса, деревню N атаковал я - команды моей Тверским драгунским полком слабой драгунской полк Голыптейн, что после Поменского, баталион гренадерской Арним и два баталиона принца Фердинанда; Тверской полк, около двухсот пятидесяти человек, врубился в пехоту на неровном месте и сбил драгун; урон прусской в убитых и пленных был велик, и взята часть артиллерии; подо мною расстреляна лошадь и другая ранена. Знатная часть прусского войска выступила от Кольберга, по военным потребностям, к стороне Штетпия; к нашему легкому корпусу на походе соединился генерал князь Михаиле Никитич Волконской с кирасирскими полками; передовые наши отряды к стороне Регенвальда встретились с прусским авангардом; при моем хождении четыре эскадрона конных гренадер атаковали пехоту на палахах; гусары сразились с гусарами; весь сей сильный авангард под полковником Курбьером взят был в плен, и его артиллерия досталась в наши руки; впоследд я напал с ближним легким отрядом, в расстоянии малой мили, на прусских фуражиров, под самым их корпусом, где також, сверх убитых, много взято в плен; в ночи прусский корпус стал за Гольнов, оставя в городе гарнизон. Генерал граф Петр Иванович Панин прибыл к нам с некоторою пехотою; я одним гренадерским батальоном атаковал

вороты, и, по сильном сопротивлении, вломились мы в калитку, гнали прусской отряд штыками чрез весь город за противные ворота и мост до их лагеря, где побито и взято было много в плен; я поврежден был контузиєю - в ногу и в грудь картечами; одна лошадь ранена подо мной. В поле, под* взатьем Кольберга, при действиях принца Виртембергского, находился я при легком корпусе с Тверским драгунским полком. При возвратном походе оттуда прусского войска к Штетину имел я, с Тверским драгунским полком, сильное сражение с одним от оногo деташементом из пехоты и конницы, под Штетином, при деревне Визен-штейн, в которой стороне прусской корпус несколько дней отдыхал; последствие сего было то, что в ту же ночь весь реченной корпус к Штетину поспешно ретировался. Осенью, в мокрое время, около Регенвальда, генерал Берг с корпусом выступил в поход; регулярная конница его просила идти окружною, гладкою дорогою; он взял при себе эскадрона три гусар и два полка казаков и закрывал корпус одадь справа; выходя из лесу, вдруг увидели мы на нескольких шагах весь прусской корпус, стоящий в его линиях; мы фланкировали его влево; возвратившийся офицер донес, что впереди, в большой версте, незанятая болотная переправа мелка; мы стремились на нее; погнались за нами первее прусские драгуны на палашах, за ними - гусары; достигши до переправы, приятель и неприятель, смешавшись, погрузили в ней почти по луку; нашим надлежало прежде насухо выйти; за ними вмиг - несколько прусских эскадронов, кои вмиг построились; генерал приказал их сломить. Ближний эскадрон был слабой желтой Свацеков; я его пустил; он опроверг все прусские эскадроны обратно, опять в болото; чрез оное, между тем, нашли они влево от нас суше переправу; первой их полк перешел драгунской Финкенштейнов, весьма комплектной; при ближних тут высотах было отверстие на эскадрон, против которого один Финкенштейнов стал; неможно было время тратить; я велел ударить стремглав на полк одному нашему сербскому эскадрону; оногo капитан Жандр бросился в отверстие на саблях; Финкенштейповы дали залп из карабинов; ни один человек наших не упал; но Финкенштейновы пять эскадронов в мгновенье были опровержены, рублены, потоптаны и перебежали чрез переправу назад. Сербской эскадрон был подкрепляем одним венгерским, которой в деле не был; Финкенштейновы были подкрепляемы, кроме конницы, баталионами десятию пехоты; вся спя пехота - прекрасное зрелище - с противной черты, на полувыстреле, давала на нас ружейные залпы; мы почти ничего не потеряли, от них же, сверх убитых, получили знатное число пленников; при сих действиях находились их лучшие партизаны, и Финкенштейновым

полком командовал подполковник и кавалер Реценштейн, весьма храброй и отличной офицер; потом оставили они нас в покое.

* В изд. Алексеева 1916 г. - пред.

В 1762 году отправлен я был к высочайшему двору с депешами от генерала графа Петра Ивановича Панина и ее императорским величеством произведен в полковники следующим собственноручным указом: "подполковника Александра Суворова жалуем мы в наши полковники в Астраханской пехотной полк".

В 1768 году пожалован я бригадиром при Суздальском пехотном полку и, командуя бригадою, отряжен был с оным и двумя эскадронами командующим корпусом генералом Нумерсом от стороны Смоленска в Литву, к Орше, откуда, как корпус прибыл, выступил дале, к Литовскому, где корпус со мною соединился; оттуда с реченным отрядом войск предписано мне было следовать поспешно к Варшаве, разделя сей отряд на разные части и две колонны; во время разных волнований в Литве был мой марш на Брест-Литовской, где соединясь, прибыл я к жмудскому Минску, под Варшавою пять миль, - здесь примечу, что одна колонна была в пути до ста двадцати, другая, со мною, до ста тридцати тамошних миль; но марш был кончен ровно в две недели, без умерших и больных, с подмогою обывательских подвод, - и потом прибыл на Прагу, к Варшаве; оттуда разогнал я незнатную партию, под варшавским маршалком Котлубовским. Чрезвычайный посол, князь Михаила Никитич Волконской, отправил меня в Литву, для усмирения мятежей; я взял половину реченного деташемента и прибыл к Брест-Литовскому, где я услышал, что мятежники не в дальности п что близ их обращаются разные наши начальники с достаточными деташементами. В сем пункте я оставил людей большое число, сам же взял с собою, не мешкая нимало, суздальских шестьдесят гренадеров, сто мушкетеров, более ста стрелков, при двух пушках, и тридцать шесть воронежских драгун; повстречался я с графом Каstellи при тридцати карабинерах и толиком числе казаков и взял его с собою. Маршировавши ночь, против полден, повстречались мы с мятежниками под Ореховым; их число возвышалось близ десяти тысяч, что была неправда; я их полагал от дву до трех тысяч; начальники их были маршалки и иные, - достойной Ксавиер Пулавской, который здесь убит, брат его Казимир, пинской - Орешко, Мальчевской, Заремба, числом девять. Я их ведал быть беспечными, в худой позиции, т. е. стесненными на лугу, в лесу, под деревней; как скоро мы франшировали три тесные дефилеи, где терпели малой урон, началась атака, но

продолжалась от четырех до пяти часов; деревня позади их зажжена гранатою; кратко сказать, мы их побили; они стремительно бежали, урон их был зпатен; в числе пленных обретался Пинской драгунской полк с его офицерами, но очень малосильной; потом с отрядом прибыл я в Люблин, где, по важности поста, г учинил мой капитал*. Разбит был главной полковник Н** близ Климоптова, в сендомирском воеводстве, малым отрядом под моим предводительством и потерял несколько сот с пятью пушками; атаковали мы Ланцкорону, за Краковым, овладели городом, кроме замка, и разбили противного генерала N***, пришедшего на выручку. В местечке Уржендове, на Висле, супренировал я ночью войски маршалков Пулавского и Саввы; тут, при великой потере, достались нам в руки драгуны сего последнего, и он был так ранен, что, по бессилию, скоро после погиб: их самих прогнали из-под Красника. Разбит был в лесах, к стороне Владимира, полковник Новицкий и той-же ночи в деревне N вовсе разрушен. По многим действиям, так называемою Главною конфедерациею город Краков так был стеснен, что нашим тамо войскам недостаток в субсистенции наступал; я дал моим отрядам рандеву на реке Сане, отбил прежде преграду вх на реке Дунайце и, по некоторых ночных а денных битвах, достиг до Кракова, откуда мятежников прогнал; в той же ночи, противу рассвету, напал неподалеку Кракова на их тыницкие**** укрепления, где сверх многих побитых, в том числе штыками, забрали мы много в плен их лучшей пехоты из распущенных саксонцов с немецкими офицерами и артиллерией). На другой день было славное происшествие под Ланцкороиою, где собранные множественные мятежники были в конец разбиты; погибли несколько французских офицеров с пехотою, на их образ учрежденною; убито два маршалка, пинской - Орешко и князь Сапега; при многих пленных мне достались в руки маршалки: краковской - Миончинской и варшавской - Лясоцкой. Едва сие кончено, как я извещен о сильной диверсии мятежников к стороне Замостья и Люблина; надлежало мне спешно туда обратиться. Побита была прежде их достаточно собравшаяся из рассеянных часть, при реке Сане; в числе пленных были некоторые иностранные офицеры; потом мятежники сильно были разбиты, рассеяны под Замостьюем и из крепости деложированы. Сраженьев сих было много, но примечательных было девять, которых планы я отправил к генералу Веймарну. Французский бригадир Мезьер****, обретавшийся при мятежниках поверенным в делах, но сей скоро отозван к своему двору, и на его место прибыл Виомениль, генерал и кавалер ордена св. Людовика Большого креста. Возмутилась вся Литва; регулярная ее из полков немецкого штата и компутовых хоронг армия, с

достаточною артиллериею и всем к войне надлежащим снабденная, собралась, как и довольно из регулярных войск, под предводительством их великого гетмана, графа Огинского, который сперва и получил некоторые авантажн. Собрал я всего войска до семисот человек и две пушки; тут были и легионные, которые прежде нечто от г. Огинского пострадали; но имел я храбрых офицеров, привыкших часто***** сражаться вблизи. Шли мы чрез Брест-Литовской и прямым трактом, но поспешным маршем, сближались с армиею г. Огинского, который дневал под Ётоловичами; пойманы фуражировавшие уланы; принявши их ласково, сведал я от них нужное о их расположении; остерегал его генерал Беляк; но он не верил; в ту же ночь пошли мы на атаку, продолжали марш без малейшего шума, целя на его огни. Ночь была темная, и к утру пал туман; пехоту я поставил в первой линии, артиллерия в середине; вторая линия была вся из кавалерии; позади артиллерии был пехотной резерв, позади второй был особой резерв, из пехоты, и конницы; казаки были рассеяны с крыл и сзади; нападение наше на литовцов было с спины; мы к ним прпблизжились нечто до рассвета, так тихо, что деташированные с г. Паткулем порубили несколько их часовых и, по данному сигналу, встречены были от них из местечка сильною стрельбою, ружейною и из артиллерии. Перед нами было болото и чрез оное - плотина, по которой майор Киселев с суздальскими гренадерами пошел на штыках, пробил и дал место нашей коннице, которой предводитель подполковник Рылеев все встречающееся в местечке порубил и потоптал. Между тем майор Киселев пошел прямо на квартиру г. Огинского; его подкрепила часть пехоты; прочая под майором Фергиным с Нарвскими гренадерами, капитанами Шлисселем [и] Ганнибалом, упра-вясь с засевиною в местечке противною пехотою, с ним соединилась; вся пехота и резервы выстроились и пошли атаковать линии г. Огинского в поле, с которыми наша конница уже в дело вступила; литовское войско оборонялось храбро: легионные, гренадеры себя весьма отличили, и когда допгло до штыков, то от рот мушкетерских г. Маслов с легионною первой ударил. Победа уже была в наших руках, как стоявший в пол-мили от места баталии генерал Беляк, правда, поопоздавши, с двумя сильными полками лучших уланов, своим и Карицкого, отрезал и окружил наших три эскадрона; те не один раз сквозь них прорубались, чем и кончено сражение. Вся артиллерия, обозы, канцелярия и клейноды великого гетмана достались нам в руки, то ж все драгунские лошади с убором; компутовые с уланами знатною частью спаслись; плен наш наше число превосходил; от драгунских и пехотных полков почти все, кроме убитых штаб и обер-офицеров*****', были в нашем плену; из наших

офицеров старшие почти все были переранены; из нижних чинов убито было мало, но переранено около осьмой доли. Сражение продолжалось от трех до четырех часов, и вся Литва успокоилась; вся ж сия литовская армия состояла не более тогда в собрании, как до трех тысяч человек, кроме улан и нескольких иррегулярных. После сего последовало происшествие краковское. Я обращался в Литве; французские офицеры вошли в замок ночью чрез скважину в стене, где истекали нечистоты при мятеж-ничьих войсках, сею сурпризою пленили тамошний гарнизон и ввели туда от стороны Тынца более тысячи человек особо лучшей, из распущенных саксонцов и уволенных австрийцев, при немецких офицерах, пехоты; от нашего стоящего в городе войска были разные тщетные покушения; чрез несколько дней я прибыл туда с отрядом, как, от своей стороны, польские королевские генералы - граф Браницкой и Грабовской; самой тот почти час учинили мятежники, на рассвете, из замка генеральную вылазку для овладения городом; конница их ударила прямо на гауптвахт, но была расстреляна и отрезана; пехота шла великою густотою, но скоро картечами обращена назад; наши, по диспозиции до меня и малочислю на месте, за нею не погнались. Тотчас мы облегли замок, - королевских войск квартира основалась за Вислою, - учредили коммуникации мостами и шанцами, по обеим сторонам Вислы заняли посты в приличных местах пехотою, на которые от противников чинены были разные вылазки, особливо в полночь и полдни, всегда с их уроном; нашей всей пехоты было до семисот человек, мы ж почти сами в городе от разных деташементов мятежничьих блокированы, и, хотя я больше пяти тысяч человек по разным местам в дирекции имел, но их невозможно было опорожнить, кроме сен-домирского воеводства. Г. майор Нагель покупал и провозил скрытыми маршами с его отрядом военную аммуницию, из Шлезского Козеля. Майор Михельсон более всех, по его искусству, отряжаем был противу мятежников в поле, и от успехов его получил себе великую славу. Мятежники в замке имели много провианта; недоставало им других съестных припасов, чего ради употребляли себе в пищу своих лошадей. Оказавшаяся литовская, давно по Польше странствующая, маршалка Коссаковского партия разбита была мною при Смерзонце, между Кракова и Тынца, и потоплена в Писле; от всех стран замок был стеснен; но один генеральной штурм нам не удался, хотя уже одни ворота одержаны были, в чем мятежничей урон наш превосходил и отчего потом у них скоро оказался недостаток в порохе и кремнях. Артиллерия наша была незнатна, но искусством г. Такса в разных местах испортила коммуникации, часто в замке зажигала, и бреш в стене на шесть рядов был готов; две мины с обеих сторон Вислы, одна

королевского офицера Н, другая - инженер-капитана Потапова, приходили галлереями к концу пунктов, и уже ни один человек из замка прокрасться не мог, как вышел ко мне из замка ночью бригадир Галиберт и, по многим переговорам, капитулировал. Можно отдать честь французам, что они в замке королевских гробниц, ниже что из драгоценных клейнодов нимало не повредили, но свято польским чиновникам возвратили; гарнизон объявлен был пленным, - но титула "военнопленного" не акордовано, сколько о том меня французские начальники ни просили, - вышел в восьмистах человеках здоровых, прочие - больные или погибли; пехоты его оставалось еще больше нашей, чего ради положили ружье дежурному при мне майору князю Сонцову; в замке при нем штаб и обер-офицеров разных наук было около пятидесяти человек; французские были: бригадиры и святого Людовика кавалеры - Шуази и Галиберт, капитаны: Виомениль, племянник генеральской, которой первой в замок вошел, Салиньяк и других два, кавалеры военного ордена; из них были в походах в Индиях и действиях в Корсике еще некоторые французские обер и унтер-офицеры. Всем сим господам я подарил их шпаги, как мне бригадир Шуази свою вручал, и, по трактаменте, в ту же ночь, при возможных выгодах и учтивстве отправлены реченные господа с прочими и гарнизоном, при эскорте, на Люблин, оттуда ж нижние чины - в Россию, офицеры, прибывшие с генералом Виоменилем, - в Львов; что прежде прибыли с бригадиром Мезьером - в литовскую крепость Бялу, польские - в Смоленск. Далее я о моих политических операциях к Тынцу, Ланцкороне и иные места не описываю, как о стоящих паки нового пространства. Г. Виомениль распрощался со мною учтивым благодарным письмом и отбыл во Францию с человеками тремя оставшихся своих офицеров и уволенным от меня Н, знатного отца, который вверен был мне от г. Шуази из замка, для излечения его смертных ран, от которых получил свободу. Начиная от Радзивильцов, большая часть мятежничьих партпев мне - вооруженные - сдались и распущены; потом и кончились все польские возмущения.

* Главную квартиру.

** По-видимому, Мощинский.

*** А. В. Суворов имел в виду французского генерала Дюмурье. Франция, руководствуясь интересами своей внешней политики, оказывала широкую помощь польским повстанцам не только средствами, вооружением, но и офицерскими кадрами.

**** Тынецкие.

***** Имеется в виду Дюмурье.

***** в изд. Алексеева 1916 г. - частно.

***** В изд. Алексеева 1916 г. - кроме убитых штаб- и обер-офицеры.

Пожалован я в 1770 генерал-майором и в 1774-м годах генерал-порутчиком, в 1772 генерал Эльмпт и я, по переименовавшемуся правлению в Швеции, обращены с полками из Польши к Финляндии. По прибытии моем в Санкт-Петербург определен был я временно к тамошней дивизии, осматривал российский с Швециею рубеж, с примечанием политических обстоятельств, и имел иные препоручения.

Как обстоятельства с Швециею переменились, отправлен был я в первую армию, где от генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева помещен был в стоящий в Валахии корпус. Командующий оным генерал граф Иван Петрович Салтыков поручил мне отряд войск на реке Аржише, против черты Туртукая, куда прпбыв, нашел я близ двадцати переправных косных лодок, от войска выбрал и приучил к ним надлежащих гребцов и сделал половинной скрытой марш, для приближения к Дунаю; на рассвете были мы окружены турецкою конницею, в конец ее разбили и прогнали за Дунай; с пленными был их командующий паша. Тем мы вскрылись* и в следующую ночь переправились за Дунай** благополучно, пятьсот человек пехоты Астраханского, сто карабинер, при полковнике князь Мещерском, Астраханского ж полков - лошади вплавь - и сто казаков. Турки на противном берегу, свыше пяти тысяч, почли нас за неважную партию, но сильно из их пушек по нас стреляли, как и в устье Аржиша, откуда выходили лодки; мы одержали под ними известную победу. Второе действие мое под Туртукаем, во время происшествия при Силистрип, тако ж частию из реляциев известно; объясню только, что, по слабости от болезни, я без помощи ходить не мог; что, по овладении нами турецким ретраншементом, ночью варвары, превосходством почти вдесятеро нас в нем сильно обступили; тут был и выше-реченной князь Мещерской, которым, как [и] г. Шемякиным, прибывшим ко мне с конным отрядом и легкою пушкою, довольно нахвалиться не могу, и они всегда в моей памяти пребудут. Карабинеры ж Мещерского вооружены были ружьями с штыками, по недостатку пехоты; ночь и к полудням сражались мы непрестанно, и военная амму-ниция знатно уменьшилась; поражеп был пулею Фейзулла, командующий паша, предатель египетского Али-бея***, н сколот Сенюткиными казаками. Против полден капитан Братцов учинил вылазку с шестишереножною колонною и ворота на янычар, холодным ружьем поразил и сам смертельно ранен; тогда все войско выступило из ретраншемента, и одержана была полная победа; вся турецкая артиллерия нижнего и верхнего лагеря с их флотилиею досталась в наши руки.

* Открыли себя.

** Этот поиск на Туртукай (10.5), как и последующий (17.6), был произведен по приказанию главнокомандующего и имел важное значение.

*** Али-бей был турецким наместником в Египте. Во время войны Турции с Россией он выступил против турок, войдя в сношения с графом Алексеем Орловым. В 1772 г. Магомет (бей Мекки, названный Суворовым Фепзуллой), подкупленный турками, двинулся с войсками в Египет, и Алп-бей, поддержанный Россией, вступил в войну с Магометом. Завоевав Триполи, Антиохию, Иерусалим и Яффу, Али-бей двинулся к Каиру, но тут его солдаты изменнически перешли на сторону противника, и он, весь израненный, был взят в плен Магометом и через три дня умер.

Первый раз под Туртукаем перебита у меня нога, от разрыва пушки; о разных прежде мне неважных контузиях я не упоминаю; после того определен я был начальником гирсовского корпуса*. Сей задунайский пост надлежало соблюсти; я починил крепость, прибавил к ней земляные строения и сделал разные фельдшанцы; перед наступлением турецким перевел я мой резерв из-за Дуная - два полка пехоты на остров, в близости Гирсова, в закрытии за речкой N**, на которой были понтоны. Турки оказались рано днем, около одиннадцати тысяч; велел я делать разные притворные виды нашей слабости; но, с моей стороны, особливо из крепости, начали рано стрелять, вместо картечь ядрами. Они фланкировали наши шанцы; шармицирование продолжалось до полден и не имело конца; приказал я всем своим очистить поле. Приятно было видеть: варвары, при пяти наших бунчужпых, построились в три линии; в первых двух пехота, в середине конница; по флангам - пушки, в их местах, по европейскому, в третьей - что резерв - было разное войско и некоторые обозы; с довольною стройностию приблизились они к нашему московскому ретраншементу, где мы молчали, заняли высоту, начали бомбами и ядрами безответно и, впрочем, весьма храбро, под предводительством их байрактаров, бросились с разных стран на ретраншемент; наша стрельба открылась вблизи; ретраншемент был очень крепок. Из закрытия князь Мачабелов с Севским полком и барон Розен с тремя эскадронами гусар взошли на наши высоты, с превеликим их поражением, и князь Гагарин, другого полку, с кареем наступил на их левой фланг, из ретраншемента; они крайне пострадали. Недолго тут дело продолжалось, и едва от одного до двух часов; ударились они в бегство, претерпели великой урон, оставили на месте всю их артиллерию; победа была совершенная; мы их гнали тридцать верст; прочее известно по реляции. Последнюю баталию в турецкой войне выиграл я при Козлуджи, пред заключением мира.

Резервной корпус команды моей соединился с Измаильским. Турецкая армия, около пятидесяти тысяч, была под командою Реззак-эфендия и главного янычарского аги, была на походе чрез лес и встречена нашею конницею, которая дохватила их квартирмейстеров, с генеральным, и принуждена была уступить силе; от моего авангарда три баталиона гренадер и егерей с их пушками, под командою гг. Трейде-на, Ферзена, Река, остановили в лесу противной авангард, восемь тысяч албанцов, и сражение начали; скоро усилены были команды генерала Озерова кареем дву-полковым, Суздальского и Севского, под Мачебеловым, но почти уже нредуспели сломить албанцов, соблюдая весьма свой огонь. Сие поражение продолжалось близ двух часов около полден; люди наши шли во всю ночь и не успели принять пищу, как и строевые лошади напоены не были. Лес про-чистился; мы вступили в марш вперед; на нашем тракте брошено несколько сот телег с турецким лучшим шанцо-вым инструментом; происходили неважные стычки в лесу; конница закрывала малосилие пехоты нашей; ее было до четырех тысяч; старший - генерал Левис, которого поступками я весьма одолжен; я оставляю прочее примечание. Шли мы лесом девять верст, и, по выходе из оного, упал сильной дождь, которой наше войско ободрил, противному ж мокротою причинил вред. При дебушировавш встречены мы сильными выстрелами трех батарей на высотах, от артиллерии барона Тотта***, и карей взяв свою дистанцию, их одержали и все взяли; хотя разные покушения от варварской армии на нас были, но без успеха; а паче препобеждены быстротою нашего марша и крестными**** пушечными выстрелами, как и ружейною пальбою, с соблюдением огня; здесь ранен был внутри карея князь Ратиев, подполковник: ялыпкылдыджи*****, по их обычаю, в оные внед-риваются. Подем был наш марш, большею частью терновником, паки депять верст, и при исходе его прибыл к нам артиллерии капитан Базин и с ним близ десяти больших ору-диев, которыми открыл пальбу в лощину, внутрь турецкого лагеря. Уже турки всюду бежали; но еще дело копчено не было, - за их лагерем усмотрел я высоту, которую одержать надлежало; пошел я сквозь оной с подполковником Любимовым и его эскадронами, карей ж оной обходили и тем нечто замешкались; по занятию мною той высоты произошла с турецкой стороны вдруг на нас сильная стрельба из больших пушек, и, по продолжению, заметил я, что их немиого, то приказал от себя майору Парфентьеву взять поспешнее и скорее три Суздальских роты, их отбить, что он с крайнею быстротою марша и учинил; все наше войско расположилось на сих высотах, против наступающей ночи, и прибыл к нам г. бригадир Заборовский с его кареем комплектного Черниговского полку; таким

образом окончена совершенная победа при Козлуджи, последняя прошлой турецкой войны*****. Был я на лошади часто в огне и грудном***** бою; тогдашняя моя болезнь столько умножилась, что я отбыл лечиться за Дунай, почему я за реляцию, ниже за донесение мое, в слабости моего здоровья, не отвечаю, но доволен в душе моей о известных следствиях от сего происшествия.

* Отряда, занимавшего Гирсово; единственный тогда пункт, занятый русскими на правок берегу Дуная. Его удержанию гене'рал-фельдмаршал придавал чрезвычайно большое значение.

** Вруй,

*** Орудия, отлитые для турецкой армия бароном Тоттом.

**** Перекрестными.

***** Слово "ялын-кылыджи" означает "саблп наголо". Так назывались в Турции войска, вооруженные только кинжалами и ятаганами. В изд. Алексева 1916 г. - ялык-кылыдящ.

***** Генерал Каменский, находившийся вблизи от места сражения, не поддержал Суворова, чем поставил его в крайне тяжелое положение. Победа при Козлуджи была одержана с большим трудом и только благодаря упорству Суворова, его влпяппго на войска. Это послужило причиной резкого обострения неприязненных отношений между Суворовым и Каменским и вызвало отъезд Суворова из действующей армии.

***** Рукопашном.

В силу именного высочайшего повеления, где прописано ехать мне в Москву, в помощь генералу князю Михаиле Никитичу Волконскому, отбыл я тотчас из Молдавии и прибыл в Москву, где усмотрел, что мне делать нечего, и поехал далее внутрь, к генералу графу Петру Ивановичу Панину*, который при свидании, паки мне высочайшее повеление объявил о содействии с ним в замешательствах и дал мне открытой лист о послушании меня в губерниях воинским и гражданским начальникам. Правда, я спешил к передовым командам и не мог иметь большого конвоя, - так и не иначе надлежало - но известно-ли, с какою опасностью бесчеловечной и бесчестной смерти? Сумасбродные толпы везде шатались; на дороге множество от них тнран-ски умерщвленных, и не стыдно мне сказать, что я на себя принимал иногда злодейское имя; сам не чинил нигде, ниже чинить повелевал, ни малейшей казни, разве гражданскую, и то одним безнравным зачинщикам, по усмирял человеко-любивною ласковостию, обещанием высочайшего императорского милосердия. По прибытии моем, в Дмитриевском сведал я, что известной разбойник - в близости одной за Волгою слободы; несмотря на его неважную силу, желал я, переправясь, с моими малыми** людьми на него тотчас ударить; но

лошади все выбраны были, чего ради я пустился вплавь, на судне, в Царицын, где я встретился с г. Ми-хельсоном. Из Царицына взял себе разного войска конвой на конях и обратился в обширность уральской степи за разбойником, отстоящим от меня верстах*** в четырех. Прибавить должно, что я, по недостатку, провианта почти с собою не имел, но употреблял место того рогатую скотину, засушепием на огне мяса с солью; в степи я соединился с гг. Иловайским и Бородиным; держались следов и чрез несколько дней догнали разбойника, шедшего в Уральск. Посему доказательно, что не так он был легок, и быстрота марша - первое искусство. Сие было среди Большого Узе-ня. Я тотчас разделил партии, чтоб его**** ловить, но из-вестился, что его уральцы*****, усмотря сближения наши, от страху его связали и бросились с ним, на моем челе, стремглав в Уральск, куда я в те же сутки прибыл. Чего ж ради они его прежде не связали, почто не отдали мне, то я был им неприятель, и весь разумной свет скажет, что в Уральске уральцы имели больше приятелей, как и на форпостах оного. Наших передовые здесь нечто сбились на киргизские следы, и, чтоб пустыми обрядами не продолжить дело, немедленно принял я его в мои руки, пошел с ним чрез уральскую степь назад, при непрестанном во все то время беспокойствии от киргизцов, которые одного ближнего при мне убили и адъютанта ранили, и отдал его генералу графу Петру Ивановичу Панину, в Симбирске. В следующее время моими политическими распоряжениями и военными маневрами буйства башкирцов и иных без кровопролития сокращены, императорским милосердием. Высочайшим императорским соизволением в 1776 году был я определен к полкам московской дивизии, в Крым, где около Карасу-Базара собравшиеся противные Шагин-Гирей-хану партии я рассеял одними движениями, и, по прибытии его из Тамани, объявил его в сем достоинстве и, по продолжающейся болезни, отъезжал в Полтаву для излечения. В следующем году и в 1778 командовал я корпусом Кубанским, где по реке Кубани учредил я линиею крепости и фельдшанцы, от Черного моря до Ставрополя, и тем сократил беспокойствия закубанских и нагайских народов: один тот год не произошло никакого нагайского за Кубань побега. Того ж года обращен я в Крым и командовал корпусами Крымским, Кубанским, на Днепре в иными войсками, вывел христиан из Крыма в Россию без остатку, вытеснил турецкую флотилию из Ахтиарской***** гавани, великого адмирала Гассан-пашу и Али-бея анатольского со всем отто-манским флотом и транспортными с войском судами, коих всех по счету было больше ста семидесяти, от крымских берегов обратил назад к Константинополю, в спрещеньем свежей воды и дров, и выступил из

Крыма с войсками в 1779 году. Потом обращался я в разных местах и комиссиях, командуя казанскою дивизиею; до заключения конвенции с турками командовал я кубанским корпусом, в 1783 году привел нагайские орды ко всеподданической ее императорского величества присяге, и как они, учиня мятеж, знатною частью ушли за Кубань, то имел я туда на них поход, с регулярным и сильным иррегулярным войском; были они нами за Кубанью и на реке Лабе на рассвете при Керменчике так супренированы, что потеряли множество народа и всех своих мурз, и того ж числа другой раз их и иные поколения равно сему разбиты были; одни сутки кончили все дело.

* П. И. Панин в это время руководил подавлением восстания тфестьян, поднявшихся во главе с Пугачевым против феодально-крепостнического гнета.

** Малочисленными,

*** В изд. Алексеева 1916 г. - сутках.

**** Пугачева.

***** Бывшие участники восстания во главе с изменником Творого-вым.

***** Севастополь в XVIII веке назывался Ахтиар.

В 1784-м году определен я к Владимирской дивизии, а в 1785-м году поведено мне быть при Санктпетербургской дивизии.

1786 года сентября 22 дня, в произвождению по старшинству, всемилостивейше я пожалован генерал-аншефом и отправлен в Екатеринославскую армию; во время высочайшего ее императорского величества в 1787 году путешествия в полуденные край находился в Киеве, при ее присутствии, и, как их императорские величества изволили следовать в Таврическую область, я сформировал лагерь между Херсона и Кременчуга, во сте двадцати верстах от онога, при Бланкитной; по возвращении их величеств и по отбытии из полуденного края я находился в Кременчуге.

С открытия настоящей с Оттоманскою Портою войны определен я в Кинбурн и сей важнейший пост, к сохранению всероссийских границ, хранил я от Черного моря и, по лиману, от Очакова неусыпным бдением, с сентября 1787 года по 1789 год и, как того 1787 года сентября 13 дня из флота очаковского все канонерные суда, приближась к кинбурнскому фарватеру, открыли жестокою канонаду и бомбардираду, оною в крепости причиняли, в строении и людях, повреждение, я из Кинбурна тотчас соответствовал тем же с таким успехом, что их людям и фрегату причинило повреждение и линейной их корабль взорвало со всем экипажем, а 14 числа, верстах в осьми от Кинбурна, подплыли турки до семисот человек на мелких судах к берегу, но были встречены командою моею и отбиты; они покушались и

на 15 число, по прогнаны из отряженных из эскадры на Глубокой, - два фрегата и четыре галеры, - к Кинбурну. Галера "Десна", под начальством мичмана Ломбарда, хорошо вооруженная, пустилась на бомбардирующие Кинбурн суда, отделившись от своего флота, в принудила их к ретираде к своему флоту; но ею преследованы, и вступила с ними, и, по разнообразным движениям, и с левым флангом флота в сражение, открыв ружейную стрельбу скрытых им до того гренадер, [и], продолжая более двух часов, причинил немалой урон неприятелю, где и очаковские батареи действовать принуждены были. Возвратилась под крепость кинбурнскую так благополучно, что, кроме мичмана Ломбарда, никто не ранен и не убит, а он ранен пулею в ухо. 30-го числа того ж сентября неприятель сблизил свои суда к Кипбурну, производил сильную пальбу и бросал бомбы до глубокой ночи, а первого числа октября, на рассвете, возобновил свою пальбу с большею жестокостию и так причинял внутри крепости, в земляном вале и лагере палаткам и войску повреждения, а в девять часов в 12 верстах от Кинбурна по лиману пять судов с вооруженными людьми показались, кои, сколько ни старались выйти на берег, отбиты с уроном. В то же утро неприятель, в числе пяти тысяч отборного войска, предпринял на Кинбурп сделать поражение, перевозя с своих кораблей на мыс кинбурпской косы с большею поспешностью, и работали они в земле, приближаясь к крепости. Я, в небольшом числз имев войска [и] учредя в боевой порядок, встретил их и атаковал; неприятель упорно и храбро защищался в своих укреплениях. Генерал-майор Рек выбил их из десяти ложементов, но был при том ранен в ногу, а майор Булгаков убит, Мунцель и Мамкин - ранены. Флот неприятельский, подвигнувся* к берегу, наносил великой вред своими бомбами, ядрами и картечами, и войски наши не могли преодолеть умножающиеся силы неприятельские, принуждены были отступать; я, будучи в передних рядах, остановил отступающих, исправя фронт возобновил сражение и неприятеля выгнал из многих ложементов. Между тем галера "Десна" на левом крыле неприятельского флота несколько судов сбила с места, крепостная артиллерия потопила два канонерские судна, полевая артиллерия - истребила две шебекн. Неприятель свежими войсками принудил наши войски ко отступлению, тем наиболее, что чрезвычайная пальба с неприятельскою флота не малой вред наносила; я ранен легко картечью в левой бок; пехотные полки ретировались порядочно** в крепость, а на место сражения прибыли вновь пехотные баталион и три роты, с бригадою легкой конницы; я начал бой в третий раз. Пехота, подкрепляемая легкоконными и казачьими полками, наступила отважно на неприятеля; неприятель не возмог уже держаться

в 15 своих окопах; выбиты из всех укреплений, претерпели крайнее поражение, и остатки сброшены в воду, за сделанный ими эстакад, где бедствовали они до утра. Я при конце сего поражения еще ранен в левую руку пулею навывлет. Сим одержана совершенная победа, и Кинбурнская коса и воды, окружающие оную, покрыты их телами. Потеря неприятельская - во всем высаженном на берегу войске, кроме малого числа спасшихся в воде, за эстакадой; с нашей стороны - убитых: майор, подпоручиков [и] нижних чинов - 136; раненых: я и Рек, майоров - три, обер-офицеров - 14, нижних чинов - 283. В сию настоящую войну я первой имел случай с турецким войском сражение, и хоть раны мои ослабевали силы мои, но усердие мое меня подкрепляло, и я, не отступая от моей должности, мало-по-малу выздоравливая, всю зиму старался о извлечении языков и! Очакова. В 1788 году устроил па стрелке Кинбурнской косы батареи, со оных во время сражения на лимане многочисленного турецкого флота, под командою канитан-паши, с нашими лиманскими парусною и гребною флотилиями, июня 7 и 17 числ и последующих потом, сильное поражение неприятельскому флоту причинил и, по истреблении всего турецкого на лимане и под Очаковым флота, я находился в линии очаковской блокады, на левом фланге. Неприятель 27 июля показался в 50 конных, открывающих путь своей пехоте, пробираясь лощинами к моему левому флангу, и содержащий пикет из наших бугских казаков атаковал; я подкреплял оных двумя баталионами пехотных гренадер. Сражение произошло весьма кровопролитное; ту-рон умножилось до трех тысяч. Неудобность мест, наполненных рвами, способствовала неприятелю держаться; но, при ударе в штыки, неприятель совершенно опрокинут и прогнан в ретраншемент. При истреблении превосходного числа неприятеля, отчаянно сражавшихся, наш урон состоял-убитых: обер-офицеров - 4, гренадер - 138, казаков - 12; при сем я ранен в шею не тяжело; майор, три капитана, два подпоручика, 200 гренадер и 4 казака ранены. И как 29 и 31-го числ того июля турецкой флот показался на море от Березани, то я отправлен в Кинбурн, где имел наблюдение в непропуске в лиман неприятельского флота. По взятии Очакова, в 1789 году, я, для принесения ее императорскому величеству за высочайшее пожалование мне ордена св. апостола Андрея всеподданнейшего благодарения, прибыл в Санкт-Петербург и находился там по 25-е число апреля того года, а онога числа, получа высочайшее ее императорского величества повеление ехать в Молдавию, для принятия в мое начальство передового корпуса против неприятеля, и того ж числа из Санкт-Петербурга отправился и, прибыв, принял состоящей армии корпус между рек Серета и Прута. 16 июля

того ж года я, с моим корпусом перешел реку Серет. 17 числа соединился с союзным корпусом римско-императорских войск, под начальством генерала от кавалерии принца Саксен-Кобург-ского, продолжая поход к Фокшанам, против собравшегося там турецкого из 30 тысяч состоящего корпуса; в числе оных пятая часть была пехоты под командою сераскира трехбунчужного, Мустафы-паши. Того июля 20 числа, при осмотре реки Путны, встретившаяся турецких войск конница, с нашим легким войском сражаясь, двоекратно неприятеля сломили и прогнали. Двухбунчужный Осман-паша с тремя тысячами отборной конницы старался усилиться против наших войск; но с помощью римско-императорских гусар и цесарских арнаут неприятель опрокинут и прогнан, с великим его уроном. И, наведя понтоны [и] 21 числа перешед реку Путну, на сем походе к Фокшанам, турецких войск толпы в разных местах имели сражение с легкими нашими войсками, но всюду были отбиты с уроном. Приближаясь к Фокшанам, по многим сражениям, генерал-поручик Дерфельден с пехотою соединенных войск атаковал неприятельские окопы и овладел оными. часть турецкой пехоты заперлась в крепком фокшанском Монастыре святого Самуила, внутри их земляных укреплении, которые тотчас облегли с левой стороны российские войски, а с правой, под предводительством принца Саксен-побургского,-союзные войски. Турки жестоко оборонялись Ружейным огнем; но, соединенною артиллериею отбив ворота и калитку, наши с союзными войсками, вошед внутрь Стеа, поражали неприятеля штыками, и, по продолжении сражения, чрез 9 часов, помощью божиею достигнута нами совершенная победа. По овладении Фонтанами остаток разбитых турок искал спасения в монастыре св. Иоанна, в полутора версте лежащем; но посланной от принца Саксен-Кобургского команде с артиллериею, по отчаянной обороне, принуждены были оставшиеся] от истребления ага и 52 человека сдаться военнопленными. Неприятельской урон - до 1500 человек; в плен взято 100, пушек 10, знамен - 16; весь их лагерь с палатками с разными военными припасами достался в добычу победителям. Рассеянные турки побежали по дорогам браиловской и к Бука-ресту. Наши легкие войски, догоняя, их поражали и на обеих дорогах получили в добычу несколько сот повозок с военною аммунициею и прочим багажом. С нашей стороны, российских убито рядовых - 15, ранено всех чинов - 79; из римско-императорских войск урон весьма мал.

* В изд. Алексеева 1916 г. - придвигнувся.

** В порядке.

Того же году, сентября 6 и 7 числ, по сообщению мне от генерала от кавалерии принца Саксен-Кобургского, командующего союзными римско-императорскими войсками, о приближении верховного визиря с главными турецкими силами, во ста тысячах состоящими и расположившимися лагерем при Мартинешти, в расстоянии от него не более 4 часов, ожидая от него атаки, просил меня поспешать соединиться с ним; я, соображая толь важные обстоятельства, немедленно из Пуцени выступил в поход, взяв с собою корпус, составленный из дву гусарских, 4 гренадерских, 4 мушкетерских баталионов и одного легкого бата-лиона, сформированного из мушкетер, устроая на 6 кареев, в две линии, под начальством: первую - генерал-майора Познякава, а вторую бригадира Вестфалена, 12 карабинерных эскадронов - при бригадире Бурнашове, два ка-вачьих полка и арнаутов, с их начальниками, и, хотя разлитием реки Серета в переправе делано великое затруднение, но, преодолюая все препятствия, перешед Серет, следовал чрез Путну, а римско-императорские войски, перешед реку Берлад по мосту, при Текуче, обратились, против Никорешт, к понтонным своим мостам и со оными близ Фокшан, при реке Милкове, я соединился 10 того сентября поутру. Осмотрев положение неприятеля, распорядил поход двумя колоннами; первую вел я, прибавя к ней римско-императорских войск два дивизиона и Барковых гусар, под командою подполковника барона Гревена и майора Матлш-ковского, а левую вел принц Саксен-Кобургской. И тою 10 числа, при захождении солнца, выступили, переходя Милков вброд и продолжая марш в совершенной тишине, приспев к Рымне, перешли оную вброд, пехота вправо, а кавалерия влево. Соверша переход, на рассвете построил войски в боевой порядок и повел в атаку; в семи верстах, при деревне Тыргокукули, стояло турецкое войско лагерем на выгодных высотах, в двенадцати тысячах, под командою двухбунчужного паша Хаджи-Сойтари. Вскоре начался шармицель и пушечная с обеих сторон стрельба; первая линия начала наступать на неприятельскую батарею; но дефиле долго задержал, проходя в порядке, а тем временем неприятель с половиною его войска, с большего частию обозов, ушел к местечку Рымнику, другую половиною конницы и пехоты - ударил весьма сильно на каре правого фланга. Храброй отпор и крестные огни егерского каре, действие ружей и штыков в полчаса опровергнули турок с великим уроном; карабинер два эскадрона и дивизион римско-императорских гусар, врубясь в неприятеля, отняли знамя, и легкие войски - овладели неприятельским лагерем, и общекарабннеры, донские казаки и арнауты - истребили множество турок; остальные побежали по букарестской дороге, к

местечку Рымнику. Принц Саксен-Кобургской, имея далее путь, перешел чрез Рымну позже меня, и, едва успел построиться, неприятель, в двадцати тысячах состоявший, напал сильно на оба крыла, но поражаем был с чувствительною гибелью; в то же самое время от Мартипешти, из главного неприятельского лагеря при реке Рымпе, до шести тысяч турков быстро наскочили на каре Смоленского полка. Я приказал каре Ростовского полку той же второй линии принять вправо, сблизась косою чертою, чтобы неприятеля поставить между крестных огней; тут сражение продолжалось целый час, с непрерывным огнем, а в войсках принца Саксен-Кобургского - более двух. Неприятель отчаянно сражался, но, наконец, уступил мужеству, оставя окрестность полевою покрытою мертвыми телами: турецкая конница действовала с крайнею отвагою, а особливо отчаянно нападали янычары и арабы. Турки отступили к лесу Крынгу-мейлор, где обреталось пеших до 5 тысяч янычар, имея там ретраншемент, готя не оконченный; я одержал место сражения, выстроил линии, собрал карей и несколько отдыхал.

По прошествии сего принц Саксен-Кобургской был паки сильно атакован сорока тысячею конных турков, кои окружили тесно его левое крыло; конница его врубалась в турок несколько раз, а пред моим фронтом начался шармицель; я пошел с войском, отражая неприятеля пушечною пальбою, которой открыл свои батареи; под выстрелами их союзные войски, входя на пологое возвышение, стремились овладеть; неприятель, видя наше усилие, два раза покушался увозить свою артиллерию. По трех верстах маршу открылся ретраншемент под лесом Крынгу-мейлор; я приказал карабинерам и, на их флангах, гусарам стать среди кареев первой линии и сим дать интервал; легкие войска заняли крылья, и в ту же линию кавалерии присоединились влево - прочие дивизионы гусар принца Саксен-Кобургского; за нею Левенерова полку легкая конница составляла резерв; оное все произведено в действо на полном марше. Я просил принца Саксен-Кобургского, дабы он приказал сильно идти вперед своим кареям; канонада кареев наших в лес и ретраншемент привела в молчание турецкие пушки; пораженное и приведенное в замешательство пешее и конное турецкое войско начало отступать в лес; я их велел остановить; линия наша, при непрерывной пальбе с крыльев и кареев крестными выстрелами, приближившись, пустилась быстро в атаку, кавалерия, перескоча невозвышенной ретраншемент, врубилась в неприятеля; овладели четырьмя орудиями, истребя великое число турков, кои тут отчаянно сражались; наконец, сии многолюдные толпы выгнаны из лесу; разбитые турецкие толиы бежали к главному своему лагерю, при реке Рымнике, в шести верстах от сего места сражения отстоящему;

достигавшие их наши карей, эскадроны и легкие войски обратили их дирекцию на юг; каре, генерал-майором Кара-чаем предводимы, были с нашими кареями впереди, поражали янычар и прочие неприятельские войски, где казаки и арнауты истребляли врага. При захождении солнца победители перервали погоню на рымникской черте; река сия запружена была тысячами повозок аммуничных и прочих и великим числом потопленных мертвых тел неприятельских и скота. Во время баталии верховный визирь находился особою своею под лесом Крынгу-мейлор, до самого его оттуда изгнания к рымникскому лагерю, где он не возмог ни увещанием, ни принуждением остановить бегущие свои войски, и сам поспешно удалился по браиловской дороге. В сем сражении неприятель потерял на месте убитыми более пяти тысяч; в добычу получено нами знамен сто, мортир - шесть, пушек осадных - семь, полевых - 67 и с их ящиками и аммуничными фурами, несколько тысяч повозок с припасами и вещами, множество лошадей, буйволов, верблюдов, мулов, и, сверх того, лишился он трех лагерей с палатками и всем экипажем; по совершении победы войски отдыхали на месте баталии спокойно.

На другой день легких наших войск партиями, состоящий за Рымнпком верстах в четырех верховного визиря, особою его лагерь открыт и взят с разною добычею, причем не малое число турок побито; принц Саксен-Кобургской посланным баталионом к лесу Крынгу-Мейлор укрывшихся турок истребил. В сих преследованиях после баталии турок побито не меньше дву тысяч. Армия турецкая [бежала] до реки Бузео. Достигши оную, - верховный визирь с передовыми успел переехать мост и тотчас оный поднял; конница турецкая пустилась вплавь, где из нее немало потонуло, а оставшаяся] на левом берегу конница и пехота рассеялась всюду без остатка. Ушедшие с места баталия обозы разграблены волошскими поселянами. На здешнем берегу лежало смертельно раненых, умирающих и умерших множество; визирь уклонился в Браилов, потеряв из армии своей более десяти тысяч человек; с нашей стороны убито всех чинов 46, ранено 133; римско-императорских войск урон немного больше нашего.

В чувствительной моей благодарности не могу умолчать о излианных на меня благосозволениях ее императорского величества всемилостивейшей монархини нашей, великой государыни, милосердой матери отечества, проницающей службу и усердие наше. Всемилостивейше пожалован я 1770 году сентября 31 (?) дня, по соизволению ее величества, от его императорского высочества государя Цесаревича кавалером голштинского ордена св. Анны, 1771 года августа 19 дня за одержанные победы в 1770-м и 1771 годах над

польскими возмутителями - орден св. великомученика и победоносца Георгия 3 класса, того ж года декабря 20 дня за совершенное разбитие войск литовского гетмана, графа Огинского - орден св. Александра Невского, 1772 года мая 12 дня за освобождение краковского замка из рук мятежнических - со изображением в высочайшем рескрипте монаршего благоволения пожаловано мне тысяча червонных, 1773 года июля 30 дня, за одержанную победу при атаке на Туртукае - орден св. великомученика и победоносца Георгия 2 класса, 1774 гс-Да сентября 3 дня, за скороспешной мой приезд в низовой крап налегке, на поражение врагов империи, - со изъяснением в милостивейшем рескрипте монаршего благоволения всемилостивейше пожаловано мне две тысячи червонцов; 1775 года июля 10 дня, при торжестве утвержденного с Оттоманскою Портою мира, - шпага золотая, украшенная бриллиантами, в 1778 году за вытеснение турецкого флота из ахтиарской гавани и от крымских берегов, воспрещением свежей воды и дров, золотая табакерка с высочайшим ее императорского величества портретом, украшенная бриллиантами; 1780 года декабря 24 дня с собственной ее императорского величества одежды бриллиантовая орден св. Александра Невского звезда, 1783 года июля 28 дня за присоединение разных кубанских народов ко всероссийской империи - орден св. равноапостольного князя Владимира большого креста I степени. 1787 года июня 11 дня, при возвращении ее императорского величества из полуденного краю - всемилостивейшим благоволением табакерка золотая с вензелем ее императорского величества, украшенная бриллиантами, 1787 года ноября 9 дня - за одержанную победу, октября 1 числа того года, при защищешш Кинбурна, атакованного отборными турецкими войсками с помощью флота их, и совершенное их разбитие и поражение па кинбурнской косе - орден св. апостола Андрея первозванного, со всемилостивейшим в высочайшем рескрипте изречением: "Вы оное заслужили верою и верностию"; 1789 года ноября 3 дня за разбитие и победу собравшихся многочисленных турецких войск под Фокшанами - к ордену св. апостола Андрея, крест и звезда бриллиантовые, того же 1789 года за разбитие и знаменитую победу сентября 11 дня сего года многочисленной турецкой армии, предводимой верховным визирем, на реке Рымнике, - шпага золотая, богато украшенная бриллиантами, с надписью дела, а 3 октября того же года за оную же победу верховного визиря па реке Рымнике - всемилостивейше возвышен я с рожденными от меня детьми в графское российской империи достоинство, указав именоваться: граф Суворов-Рымникский; того ж октября 18 дня за оную же совершенную победу верховного визиря, со изъяснением в высочайшем рескрипте

долговременной моей службы, - сопровождаемой со особливим усердием и точным предложенного исполнением, - неутомимых трудов, предприимчивости, превосходного искусства, отличного мужества во всяком случае всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. великомученика и победоносца Георгия большого креста 1 класса. Его величество император Римской, покойной Иосиф, всемилостивейше благоволил высочайшим письмом своим 13 августа 1789 года ко мне уважить одержанную мною с принцем Саксен-Кобургским победу под Фокшанами, - наименовав оную "славною победою", соизволил пожаловать мне золотую табакерку с вензелевым его величества именем, богато украшенную бриллиантами, а за одержанную при реке Рымнике над верховным визирем победу всемилостивейше пожаловал меня рейхсграфом священной Римской империи и, при высочайшем своем письме 9 октября 1789 года ко мне, пожаловал мне на то рейхсграфское достоинство грамоту, октября 6 числа немецкого счисления того 1789 году, за высочайшим своим подписанием, с привешенною императорскою печатью, и при том герб с графскою короною, с которых у сего следуют копии; оные я принял по высочайшему ее императорского величества дозволению от 26 сентября того 1789 года.

Употребляемой мною до сего герб принял я от покойного отца моего, какой он употреблял, т. е.: щит разделен в длину на-двое; в белом поле - грудные латы, а в красном поле - шпага и стрела, на-крест сложенные, с дворянскою короною, а над оною - обращенная направо рука с плечом в латах, держащая саблю. Подлинное подписано тако:

Генерал граф Александр Суворов-Рымникский